

© М.А. СИНЮКОВА

m.sinyukova@mail.ru

УДК 821.161.1.09:164.035(571.12)

**РОМАН «ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ» К.Я. ЛАГУНОВА:
ФЕНОМЕН ФИЛОСОФИЗАЦИИ ЖАНРА**

АННОТАЦИЯ. В статье впервые системно представлены элементы философизации жанра романа в творчестве сибирского писателя К.Я. Лагунова. На материале его постсоветского текста «Отрицание отрицания», рассматривая лексический ряд, структуру романа, поэтику заголовочного комплекса и именованности, идейные столкновения героев произведения, анализируя их рассуждения как особую форму речи, автор прослеживает трансформацию производственного романа в философский. Им проводится параллель между сюжетом «Отрицания отрицания» и организацией романа Л.М. Леонова «Русский лес», делается ряд наблюдений сопоставительного характера. В итоге предлагается рассматривать вершинное произведение К.Я. Лагунова как звено в жанровой цепи русского философского романа, обозначается перспектива анализа опытов региональных мастеров слова на сломе исторических эпох как поиск общезначимых и приемлемых решений судьбы Отечества, прояснение аксиологических ориентиров народа.

SUMMARY. This article for the first time systematically presents the elements of philosophization of the novel's genre in the works of the syberian writer K.Ya. Lagunov. On the basis of his post-Soviet work entitled "Negation of the Negation", considering the lexical row, the structure of the novel, the headline complex and nomination poetics, ideological clashes of the work's characters, analyzing their reasoning as a distinct form of speech, the author traces a transformation of a workplace novel into a philosophical one. The author draws a parallel between the plot of "Negation of the Negation" and the ordonnance of L.M. Leonov's "Russian Forest", makes a number of observations of a comparative character. Ultimately, it is suggested to consider K.Ya. Lagunov's best work a link in the genre chain of Russian philosophical novels; the author denotes the perspective of analyzing the experiences of regional word painters on the edge of historical epochs as a search for valid and acceptable decisions of the Motherland's fate, clarifies the axiological landmarks for the people.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. К. Лагунов, Л. Леонов, роман, жанр, философизация, отрицание отрицания.

KEY WORDS. K. Lagunov, L. Leonov, novel, genre, philosophy, "Negation of Negation".

Анализируя опыт русского романа периода советской цивилизации, отечественная филология пришла к заключению, что его философские реалии воплощаются в структуре произведений, в системе противопоставлений, заложенных в их композиции, в движении сюжета, в конфликтах, в развитии характеров и обнаружении присущих им качеств и потенциалов [1]. Специалисты справедливо рассматривают конструктивную основу философского романа в изображении

«борьбы идей» [2; 28]. Сибирский писатель К.Я. Лагунов, как известно, ориентировался в своей творческой практике на традиции именно философско-идеологического романа, в частности, романа Ф.М. Достоевского и Л.М. Леонова [3; 17], активно и пристрастно рефлексировал чужие жанровые опыты [4], [5], [6].

В творчестве прозаика постсоветского периода [7] роман «Отрицание отрицания» (1987-1995) несомненно является вершинным текстом, и не раз он уже становился предметом специальной филологической рефлексии [8], [9]. По свидетельствам мемуаристов, К.Я. Лагунов и в процессе создания текста, и после его опубликования в частных беседах именовал его романом философским. Сегодня обнародованы материалы того круга чтения, который был характерен для автора в годы работы над этим произведением. Речь идет о пометах К.Я. Лагунова на книге В.В. Розанова (издание 1991 г.) — на страницах его «Легенды о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского». Комментируя данную публикацию, С.А. Комаров справедливо характеризует пометы как творческую лабораторию романа «Отрицание отрицания», как «мосты» к пониманию замысла данного текста [10].

Стержнем сюжета романа становится масштабная дискуссия о судьбе Пуровского месторождения, в которую втягиваются главные герои произведения. С одной стороны это секретарь крайкома Серафим Бархударов, начальник нефтяного главка Виктор Вандышев и их сподвижники — те, кто дает указания по перевыполнению плана добычи нефти, живя по принципу «после нас хоть потоп». Вторую группу персонажей составляют борцы с системой, они, не обладая полномочиями первых, пытаются заявлять о пагубности подхода, который ведет к гибели месторождения, — это директор НИИ Николай Карнаухов, писатель Петр Жигулин. Через столкновение сторон завязывается «многослойный» философский конфликт, в котором участвует и молодое поколение. Вслед за характерной для эпохи проблемой взаимоотношения человека с природой поднимаются вопросы нравственности, ответственности за собственные поступки, проблема отношения к традициям, и в итоге — вечные темы добра и зла, любви и ненависти, ведущие в результате к вопросу существования Бога.

Таким способом развертывания сюжета писатель продолжает линию Леонова, в романе «Русский лес» которого «едва ли не впервые в советской (легальной) литературе ставится под сомнение правомочность и целесообразность собственно революционных принципов обновления жизни» [11; 37]. Наблюдается и сходство в выстраивании системы персонажей. Если в романе Леонова носители противоположных идей, ученые Иван Матвеевич Вихров и Александр Яковлевич Грацианский, через публичный спор о проблемах лесопользования решают глубинные задачи сохранения (Вихров) или разрушения (Грацианский) «чуда жизни» [11], одновременно ведя скрытую борьбу за души молодежи, то в тексте Лагунова выразителями идей выступают группы персонажей, так или иначе задействованные в сфере нефтедобычи (то же природопользование, что и в романе Леонова). Отметим, что в романе сибирского автора акцент на борьбе за умы молодых людей автором не ставится: новое поколение выступает скорее индикатором влияния действующих парадигм. Дети Бархударова (сын явно, а дочь — в молчаливом согласии с братом) становятся на противоположные семье позиции, выступая за смену построенного на лице-

мерии строя (показное равноправие, лживость лозунгов). Выращенная в рабочей семье Карнауховых Эля, напротив, отрекается от любящих родственников, кончая жизнь самоубийством после предательства несостоявшегося мужа Гария Юрьевича Барбьека — внука легендарного геолога-первооткрывателя Галия Юльевича. Гарий же представляет собой «усовершенствованную» возрастом и воспитанием в роскоши его копию: обоим героям свойственны высокомерие, тщеславие, страсть к богатству, отсутствие нравственных принципов и т.п. Тем самым можно отметить использование прозаиком приемов для формирования проблемной зоны текста, знакомых читателю по философскому роману Л. Леонова «Русский лес», писателя, чье собрание сочинений было в личной библиотеке автора «Отрицания отрицания».

К. Лагунов вводит и другие приемы, способствующие философизации жанра. Например, идентичность образов двух Барбьек, зафиксированная и выбором их имен [12]. Современники улавливали, что Лагунов работал с реалиями, относящимися к настоящей эпохе, слегка видоизменяя имена всем известных персонажей, и «был в состоянии поднять руку, то бишь, перо на местных громовержцев» [13; 86].

В романе «Отрицание отрицания» писатель экспериментирует с поэтикой имени, через антропонимы читателю становятся понятными не только характеры героев, но и их социальное положение или политические взгляды. К. Лагунов открывает новый для себя прием: придание гротескного характера произведению посредством использования необычных для героев имен и употребления составных имен — искусственно созданных автором для придания определенного характера персонажу (как например, Чеболтанов). Одной из особенностей антропонимии романа является широкая ассоциативность имен и фамилий. Выбрав имя и этим определив характер героя, писатель выдерживает образ в заданных семантических рамках.

При озаглавливании романа К.Я. Лагунов обращается к культурному символу. Отрицание отрицания — один из главных законов диалектики — в гегелевской и марксистской философии понимается как возвращение объекта в процессе его развития к старому качеству на высшей ступени. В романе это выражается в параллельных историях, которые разделяют три сотни лет. События жизни юродивого Геши Пелымского, принявшего смерть за правду, повторяются на новом витке истории, когда писатель-правдоборец Петр Жигулин погибает, руководствуясь принципом «делай что должно».

Текст провоцирует еще одно прочтение заглавия. Описываются события перестройки, являющей собой, по версии автора, отрицание социалистического прошлого страны. Перед читателем предстают картины разложения нравов, торжества индивидуализма, в том числе и в отношении сибирских природных ресурсов. Некоторые из героев пытаются этому препятствовать, тем самым отрицая такое положение вещей. Происходит двойное отрицание, которое вопреки закону логики не ведет к утверждению.

Эпиграф романа взят автором из обращения А.И. Герцена, одного из самых «философских писателей» России, к сыну в предисловии к сборнику статей «С того берега»: «Не ищи решений в этой книге, их нет в ней, их вообще нет у современного человека. То, что решено, то кончено, а грядущий переворот только что начинается». К.Я. Лагунов понимает, что «большое видится на расстоянии»,

поэтому, живя в разгар описываемых событий, в условиях «открытой современности», лишь констатирует отрицание отрицания.

В романе писателя, в отличие от предыдущих его опытов, появляются названия у глав и книг (текст написан в двух книгах). Первая книга романа имеет заглавие «Триумф», вторая именуется «Крах». Читатель может отнести это к определению состояния такого героя, как Серафим Бархударов, имеющего значительное влияние при Брежневе, но ушедшего с появлением Горбачева. Роман начинается с размышлений этого героя и заканчивается ими же, только в последнем случае они приводят к самоубийству. Бархударов являет собой образ системы, которая изжила себя. В последней главе («Последняя точка») Серафим Венедиктович осознает свое бессилие, понимает, что «двурушника Меченого» взрастила его система, и он своим молчанием помог совершить переворот. Одновременно приходит осознание зря прожитой жизни, что и повлекло ее трагический исход.

Первая книга романа состоит из 26-ти глав, вторая — из 13-ти. Каждая заслуживает особого внимания. Отметим лишь стилистику заголовков: «Триумvirат», «А Бог судил иначе», «Пуровские страдания», «На алтарь Отечества» и т.д. К.Я. Лагунов был убежден в том, что писатель — это трибун, и он не боялся громко озвучить свое писательское мнение. Время пафоса борьбы, резких оценок, лозунгов и призывов — все это не могло не повлиять на стиль мастера слова.

В тексте нет нерассуждающих героев. Каждое рассуждение занимает в среднем по 5–10 страниц книги — очевидно, что романист уделяет большое внимание этой композиционно-речевой форме. Писатель пытается ее разнообразить, используя новые для его творчества приемы (письма, разговоры с умершими до изображаемых событий персонажами и др.), появляется больше комментариев повествователя, зачастую близких к так называемым авторским отступлениям.

Помимо новых форм возникают и новые темы рассуждений. В тексте, если сравнивать его с предшествующими романами («Больно берег крут», «Бронзовый дог» и др.), смещаются акценты: теперь на первом месте у рассуждающих героев не производство (хотя от этой темы писатель не отказывается), а те процессы в стране, свидетелями которых персонажи являются (время распада СССР). Следует отметить, что на страницах «Отрицания отрицания» появляются рассуждения совершенно разных героев о душе и Боге. Именно в данной сфере читателю предлагается автором искать выход — на это ориентированы размышления и последние действия Петра Жигулина. В этом плане характерны мистическая сцена встречи Жигулина с Гешей в присутствии Христа и описание души юродивого, вошедшей в тело писателя.

Поскольку целые страницы романа посвящены рассуждениям о смысле и правде жизни, мироздании и человеческой сущности, закономерно, что эти абстрактные лексемы становятся весьма частотными в произведении. Для иллюстрации универсальности современных процессов в романе появляется параллельная история юродивого Геши Пельмского, случившаяся на этой же северной территории: «За два с половиной столетия лишь внешне мир неузнаваемо переменялся, многие пророчества автора Апокалипсиса Иоанна Богослова сбылись, но венец мироздания — ЧЕЛОВЕК — остался прежним, как двести, пятьсот, тысячу лет назад. Даже меж знакомыми людьми я нахожу

характеры и судьбы, годные в действующие лица той давней трагедии с Гешей Пелымским в главной роли» [14; 39]. С Гешей романист сопоставляет писателя Петра Жигулина, который, как и юридивый, «взошел на Голгофу», узнав о мафии, бесчинствующей в маленьком северном городке, и решив во что бы то ни стало донести эту правду до народа. В рамках этой сюжетной линии используются абстрактные лексемы *путь, борьба, поиск, жизнь, смерть, вера, сомнение, необъяснимое, судьба, правда, закон, подлость, лицедейство, мироздание и т.д.*, что создает эффект метафизичности повествования.

Для понимания основы романа принципиально важен концепт «будущее». Осмысление происходящего в политической (перестройка) и тесно связанной с ней производственной сферах с размышлениями о прошлом страны (времена самодержавия, годы правления Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева) и ее судьбе — в это вовлечены все главные персонажи произведения. Стержневые абстрактные лексемы, которые используются в данном контексте в рассуждениях героев: *террор, насилие, трусость, сила, смелость, воля, реальность, судьба, роковой курс, интересы, новое мышление, благополучие, перестройка, ломка, развал, дозвлет, внедрять, прививать, опыт и другие.*

Если, к примеру, в одном из знаковых в творческой судьбе писателя романов «Больно берег крут» (1978), удостоенном премии СП СССР в 1980 г., в первую очередь рассуждения героев касаются производства, а важные слова о смысле бытия произносит буровик, то в «Отрицании отрицания», напротив, выразителем главной идеи выступает человек, далекий от производства, — писатель. Тематика рассуждений героев расширяется до критики курса, которым пошла страна, до места человека в государственной системе, до более осмысленного понимания основ человеческого бытия. При этом философских проблем касаются практически все персонажи романа.

Согласно М.М. Бахтину, роман представляет собой «многостильное, разноречивое, разноголосое явление», включающее в себя «прямое авторское литературно-художественное повествование», устный и письменный сказ, литературную, но «внехудожественную авторскую речь», «стилистически индивидуализированные речи героев», где автор удерживает, сплавляет в целое это «разноязычие». Особенно выразительно «разноголосие» романа проявляется в «гибридных конструкциях»; наиболее распространенный тип — немаркированное включение в речь повествователя «голосов», «зон» героев [15; 75–76, 117, 129]. Таким образом, представляется важным рассмотреть особенности речи повествователя в этом «разноголосии» романа.

В данном романе Лагунова наличествуют умозаключения персонажей и повествователя как в прямой, так и в несобственно-прямой речи, а также в так называемых двусубъектных рассуждениях о вневременных категориях, чего в предыдущих текстах писателя большинство героев было лишено.

Рассказ в произведении ведут два повествователя: это объективный нарратор, выступающий от третьего лица, и один из героев романа (Карнаухов), повествующий от первого лица. Основной нарратор не выносит открытых оценок и выполняет преимущественно описательную и повествовательную функции (хотя порой в его речи и появляются философские рассуждения), в то время как в уста Карнаухова автор вкладывает суждения о проблемах разного уровня. Это и производственные вопросы — борьба за жизнь месторождения, и про-

блемы государственного порядка («Верят ли кормчие державы в цель, к которой рулят? — вот гвоздь в моей голове... Тысячу раз — нет, не верят!» [14; 33]). Его волнуют и экзистенциальные вопросы: «Что есть жизнь?.. А Бог?.. Земной он или вселенский? Столько несуразицы, глупости, подлости вокруг; столько случайного, необъяснимого, невысказанного, что наплывают сомнения в наличии незыблемого миропорядка, закона Божьего, коему повинно и покорно все сущее на Земле...» [14; 32]. Все эти проблемы взаимосвязаны в рассуждениях Карнаухова: на примере малого видится всеобщее движение жизни. Тем самым герой выступает в роли проводника идей писателя. Об этом свидетельствует и лексика, свойственная обоим нарраторам, среди которой частотны религиозные термины. Именно через Карнаухова автор вводит в повествование историю Геши.

Таким образом, в романе К.Я. Лагунова «Отрицание отрицания» на разных уровнях организации текста, начиная с поэтики заголовочно-финального комплекса и движения сюжета, заканчивая системой персонажей, прорисовкой их характеров, лексическим рядом, функционально усиливающейся такой формой речи, как рассуждение, а также усложнением субъектной структуры, наблюдается тенденция к философизации жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современный советский роман: философские аспекты. Л.: Наука, 1979.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3 кн. Кн. 1: Литература «Оттепели» (1953–1968). М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
3. Комаров С.А. Вспоминать счастливого человека // Константин Лагунов: В диалоге с Сибирью / Сост. С.А. Комаров, О.К. Лагунова. Тюмень: Вектор Бук, 2010. С. 8–17.
4. Лагунова О.К. Феномен встречи этнических сознаний в региональной культуре Западной Сибири последней трети XX столетия (Е.Д. Айпин и К.Я. Лагунов) // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. № 28. С. 100–112.
5. Лагунова О.К. Феномен социалистического реализма и пути изучения младописьменных литератур Севера России // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 174–182.
6. Лагунова О.К. Модель мира в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е.Д. Айпина // Вестник Тюменского государственного университета. 2000. № 4. С. 19–27.
7. Горбачева Н.Н. Мотив истории в прозе К. Лагунова («Иринарх», «И сильно падает снег...») // Вестник Тюменского государственного университета, 1999. № 4. С. 22–27.
8. Горбачева Н.Н. «Диаметр исторического сознания»: прошлое — настоящее — будущее в прозе Лагунова // Константин Лагунов: Книга памяти / Сост. О.К. Лагунова Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. С. 314–319.
9. Маркова В.В. Путь к правде: герой в романе К.Я. Лагунова «Отрицание отрицания» // Константин Лагунов: Книга памяти / Сост. Лагунова О.К. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. С. 334–337.
10. Комаров С.А. К. Лагунов — читатель (пометы на полях) // Константин Лагунов: В диалоге с Сибирью / Составители С.А. Комаров, О.К. Лагунова. Тюмень: Вектор Бук, 2010. С. 139–146.
11. Лейдерман Н.Л. Парадоксы «Русского леса» Л. Леонова // Вопросы литературы. 2000. Вып. 6. С. 29–58.

12. Синюкова М.А. Поэтика имени в романах К.Я. Лагунова «Больно берег крут» и «Отрицание отрицания» (проблема динамики) // Информационное пространство Тюменской области: сборник научно-практических трудов. Вып. 7. Тюмень, 2011. С. 135-142.

13. Гольдберг Р.С. День Святого Никогда // Константин Лагунов: В диалоге с Сибирью / Составители С.А. Комаров, О.К. Лагунова. Тюмень, 2010. С. 85-87.

14. Лагунов К.Я. Отрицание отрицания: Роман. Тюмень: Вектор Бук, 1998. 720 с.

15. Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 72-233.

REFERENCES

1. *Sovremennij sovetskij roman: filosofskie aspekty* [The Modern Soviet Novel: Philosophical Aspects], Leningrad: Nauka, 1979 (in Russian).

2. Lejderman, N.L., Lipovetskij, M.N. *Sovremennaja russkaja literatura* [Modern Russian Literature] In 3 books. Book 1: Literature of «Thaw» (1953-1968). Moscow: Jeditorial URSS, 2001. 288 p. (in Russian)

3. Komarov, S.A. Remembering a happy man. *Konstantin Lagunov: V dialoge s Sibir'ju — Konstantin Lagunov: In a Dialogue with Siberia*. Compiled by S.A. Komarov, O.K. Lagunova. Tyumen: Vector Buk, 2010. Pp. 8-17 (in Russian).

4. Lagunova O.K. The phenomenon of ethnic consciousness in the regional culture of Western Siberia, the last third of the twentieth century (E.D. Aipin and K.Ya. Lagunov). *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Yekaterinburg: Ural University Press, 2003. No. 28. Pp. 100-112 (in Russian).

5. Lagunova, O.K. The phenomenon of socialist realism and ways of studying recently created written literatures of the North of Russia. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2006. No. 4. Pp. 174-182 (in Russian).

6. Lagunova, O.K. Model of the world in E.D. Aipin's novel «Khanty, or the Star of the Morning Dawn». *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2000. No. 4. Pp. 19-27 (in Russian).

7. Gorbacheva, N.N. The motive of a story in prose by K. Lagunov («Irinarkh», «And the Snow is Falling Heavily ...»). *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 1999. No. 4. Pp. 22-27 (in Russian).

8. Gorbacheva, N.N. «The diameter of historical consciousness»: past - present - future in the prose by Lagunov. *Konstantin Lagunov: Kniga pamjati — Konstantin Lagunov: A Memory Book*. Compiled by O.K. Lagunova. Yekaterinburg: Sredne-Uralskoye Knizhnoye Izdatelstvo, 2005. Pp. 314-319 (in Russian).

9. Markova, V.V. The way to the truth: the character in the novel by K.Y. Lagunov «Negation of the Negation». *Konstantin Lagunov: Kniga pamjati — Konstantin Lagunov: A Memory Book*. Compiled by O.K. Lagunova. Yekaterinburg: Sredne-Uralskoye Knizhnoye Izdatelstvo, 2005. Pp. 334-337 (in Russian).

10. Komarov, S.A. K. Lagunov — a reader (Notes on the margins). *Konstantin Lagunov: V dialoge s Sibir'ju — Konstantin Lagunov: In a Dialogue with Siberia*. Compiled by S.A. Komarov, O.K. Lagunova. Tyumen: Vector Buk, 2010. Pp. 139-146 (in Russian).

11. Lejderman, N.L. Paradoxes of the «Russian Forest» by L. Leonov. *Voprosy literatury — Questions of Literature*. 2000. No. 6. Pp. 29-58 (in Russian).

12. Sinjukova, M.A. Poetics of the name in the novels by K.Y. Lagunov «The Bank is Far Too Steep» and «Negation of the Negation» (the problem of dynamics). *Informacionnoe prostranstvo Tjumenskoj oblasti: sbornik nauchno-prakticheskikh trudov — Information Space of the Tyumen Region: a collection of theoretical and practical works*. No. 7. Tyumen, 2011. Pp. 135-142 (in Russian).

13. Gol'dberg, R.S. Day of the Holy Never. *Konstantin Lagunov: V dialoge s Sibir'ju* — *Konstantin Lagunov: In a Dialogue with Siberia*. Compiled by S.A. Komarov, O.K. Lagunova. Tyumen, 2010. Pp. 85-87 (in Russian).

14. Lagunov, K.Я. *Otricanie otricanija* [Negation of the Negation] Novel. Tyumen: Vector Buk, 1998. 720 p. (in Russian)

15. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i jestetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1975. Pp. 72-233 (in Russian).